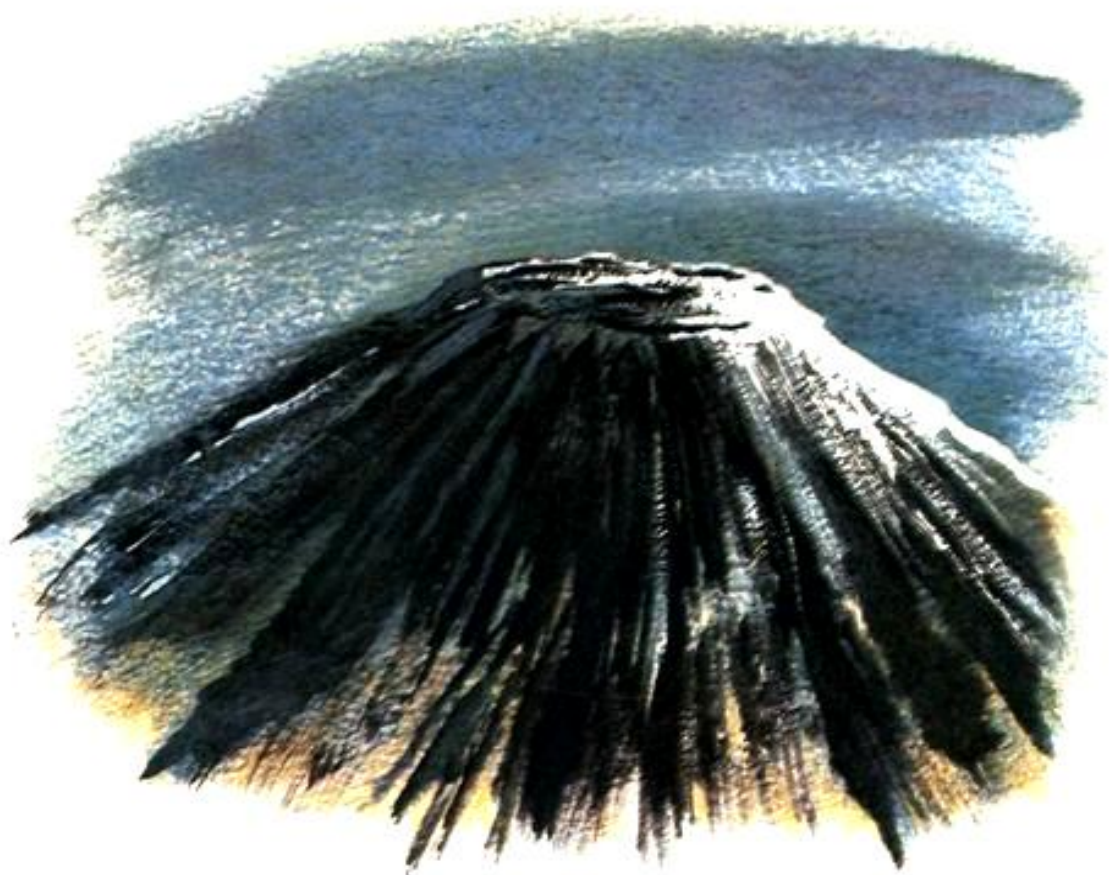

С. САХАРНОВ

ЧТО Я ВИДЕЛ В ТАНЗАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
МОСКВА
1981

Наш самолёт летел над Африкой.

Внизу была степь: зелёная — там, где ещё росла трава, и жёлтая — там, где траву уже сожгло беспощадное африканское солнце.

Вдруг под крылом появилось, задрожало белое пятно. Я посмотрелся и понял — это лежит на вершине одинокой большой горы снег. Гора отодвигалась, становилась всё меньше и меньше.

Снег на вершине огромной горы Килиманджаро.

Снег в Африке!

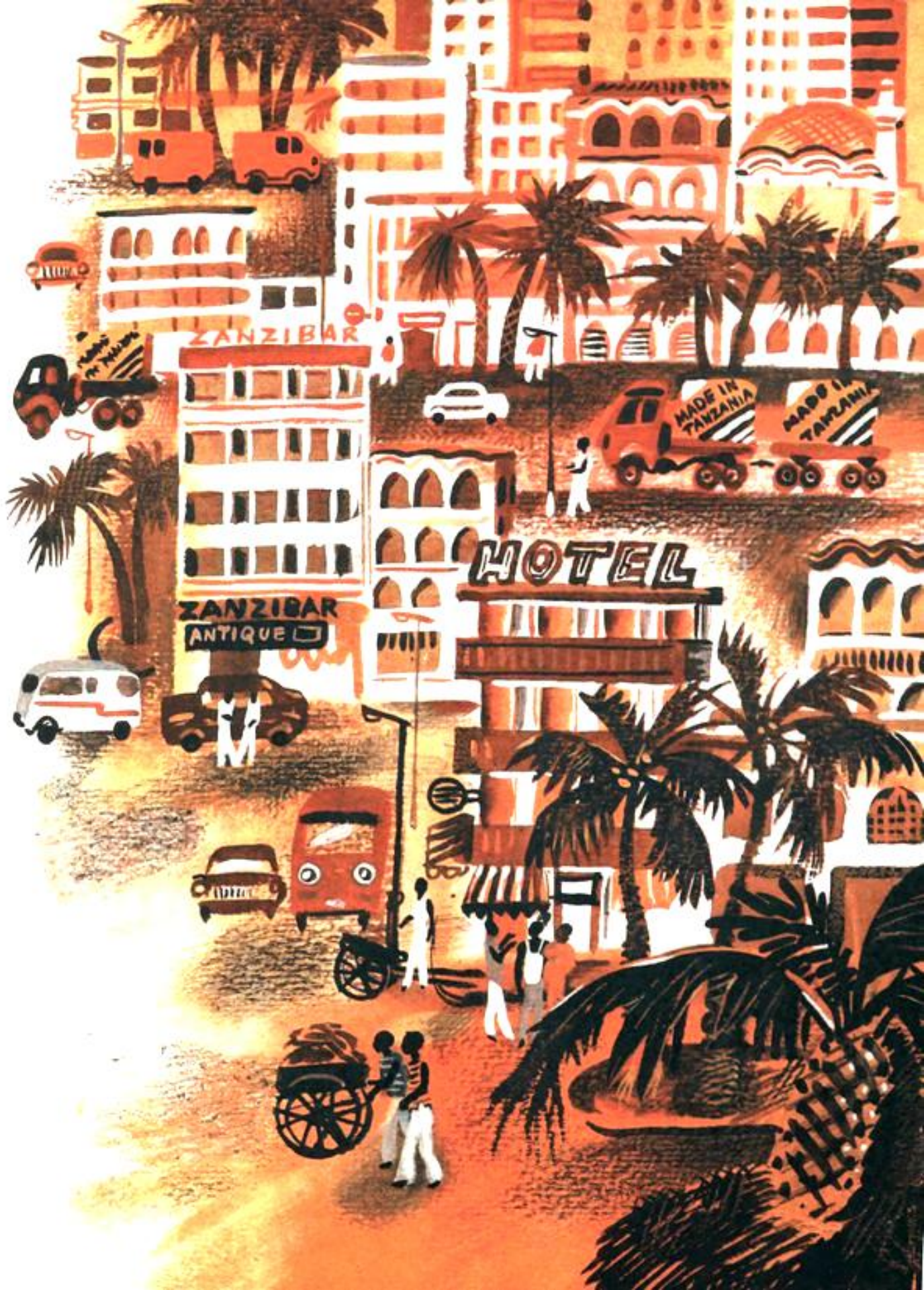

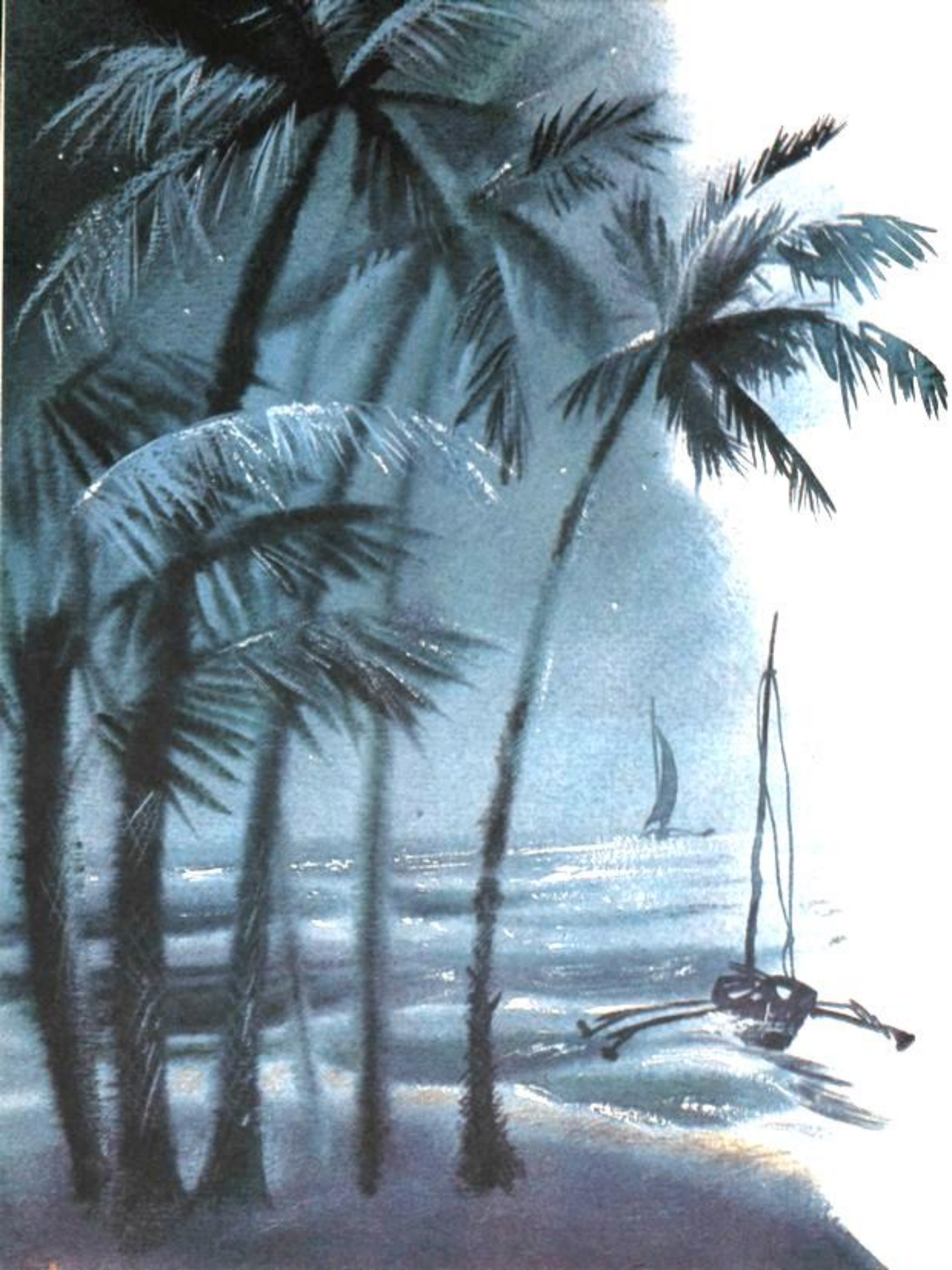
ДАР-ЭС-САЛАМ

Мы прилетели в столицу Танзании в город Дар-эс-Салам. Он стоит на берегу океана, в нём всегда влажно и душно. Утро здесь начинается рано. Едва небо над океаном начинает светлеть, на улицах раздаётся урчание грузовиков и скрип повозок—едут на базар жители окрестных деревень. Плывут по улицам горы кокосовых орехов, бананы в бумажных мешках, бидоны с молоком. Распахиваются железные двери магазинов. По тротуарам шаркают веники, журчит вода—слуги подметают у витрин. За ними зорко наблюдают хозяева.

А в порту работа не утихала и ночью—и сейчас скрипят лебёдки, гремят цепи. Красным облачком проплыл над причалом алый флаг—советский пароход привёз танзанийцам тракторы и комбайны.

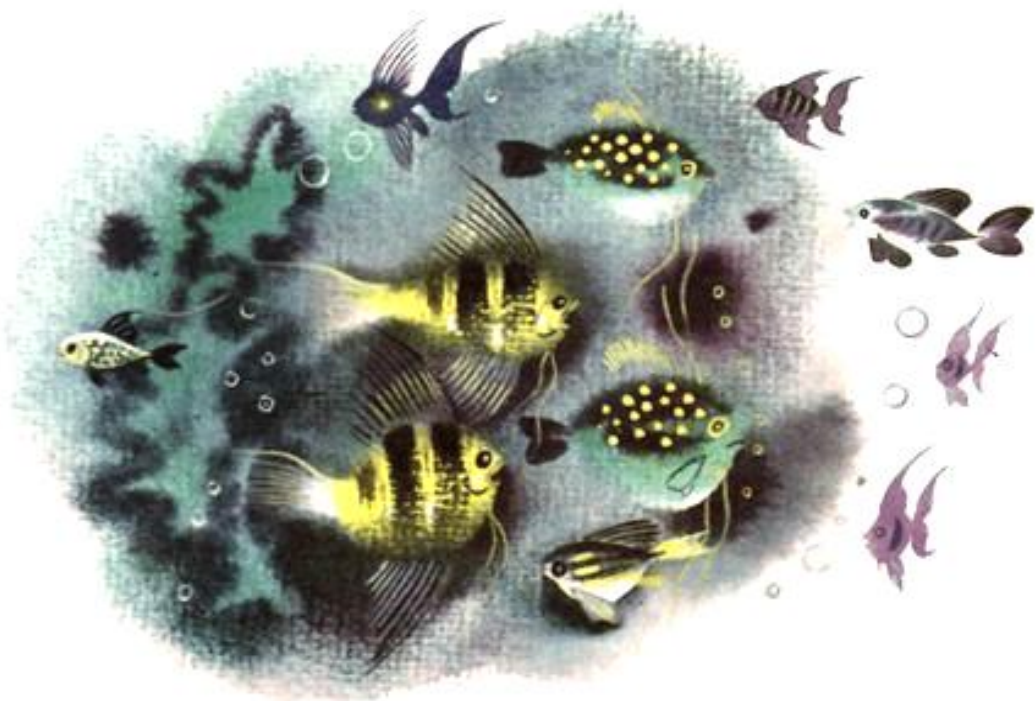

ОКЕАН

На север и на юг от Дар-эс-Салама — низкие песчаные берега. У самой воды растут вечнозелёные пальмы, гремят на ветру их длинные жёсткие листья. Ветер клонит пальмы, гонит к берегу серые волны. Не добежав до берега, волны опрокидываются: под водой каменная гряда — риф. Здесь всегда полно рыбаков. С плеском падают в воду сети. Навстречу им со дна поднимаются красные, жёлтые, голубые деревья. Это кораллы — причудливые каменные постройки, их возвели крошечные морские животные.

В коралловых лесах, под днищами рыбацких лодок, хороводят яркие, как птицы, рыбы.

Берегитесь, рыбы, — идёт сеть!

АКУЛА

Как-то два рыбака ловили на рифе макрель. Эта золотистая красивая рыба очень капризна и, бывает, в течение целого дня не берёт приманку.

Рыбакам не везло, они уже хотели собирать снасти, как вдруг леску дёрнуло. Рыбак потянул, леска напряглась и сама поволокла лодку. Из воды медленно всплыл чёрный плавник.

— Акула!—крикнул второй рыбак.—Режь леску! Скорее!

Но его товарищ продолжал то подтягивать, то отпустить снасть. Он понимал, что ничего не сможет поделать с такой рыбищей—да крючков-то жаль!

Вдруг акула нырнула и... попала в чью-то сеть. Подоспели хозяева сети, вместе вытащили хищницу. Она еле поместилась в лодке!

На берегу рыбаки разделали рыбу. Акулье мясо они отдали собакам, акульи челюсти с треугольными, как ножи, зубами продали туристам, а кожу поделили между собой.

На акульей коже ловко точить ножи, а маленькими её кусочками рыбацки чистят котлы и сковородки.

ДЕРЕВЯННЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Однажды мы поехали на машине в глубь страны. Дорога была длинная, и я задремал. Проснулся от скрипа тормозов. На обочине дороги сидели старик и мальчик. Перед ними был расстелен пустой мешок, а на нём стояли деревянные статуэтки.

Я выпрыгнул из автомобиля и подошёл к ним. Старик протянул мне статуэтку, а мальчик продолжал работать. Подняв к глазам остро заточенный топорик, он прицеливался и наносил удар. Ломкая стружка отделялась от куска чёрного дерева, уступала пальцам, ломалась. В дело пошёл нож—и появилась скуластая курчавая голова... Я взял в руки статуэтку. Чёрные человечки стояли один на другом. Их ноги и руки переплетались. «Мы—на плечах друг у друга, мы—люди—одна семья!»

ТРАКТОР

Вдоль дороги тянется пашня. На ней работают быки. Большерогие животные, таща за собой плуги, бредут по красной земле. Следом идут женщины и бросают в борозду семена бобов. Быки идут медленно, пока они дойдут до конца поля, женщины успевают вдосталь наговориться.

Но около одной деревни нам попался трактор — новенький, блестящий. Волоча за собой плуг, он весело катился по полю. За трактором бежали люди, они нагибались и проверяли: не пашет ли машина хуже быков? Это была деревня уджамаа. Люди в такой деревне работают сообща.

МУЗЕЙ В БАГАМОЙО

В городке Багамойо на берегу океана в большом старинном каменном здании—музей. В нём собраны щиты, копья, мотыги—с ними африканцы когда-то охотились, воевали, возделывали землю. И ещё я увидел там цепи. Много цепей. Когда-то купцы из Европы и Азии покупали у местных царьков людей. Закованных в цепи рабов гнали через всю страну к океану. В Багамойо был большой невольничий рынок. Купленных рабов увозили за океан. «Багамойо» на языке африканцев значит: «Оставь здесь своё сердце»...

Кроме цепей в музее стоят жерди—к ним привязывали женщин и детей, и лежат колодки—в них забивали непокорных.

ВОССТАНИЕ НА КОРАБЛЕ

В музее мне рассказали такую историю.

Однажды у африканского берега стал на якорь корабль. Купцы торговали у местного царька пятьсот человек: за мужчину давали ружьё, за женщину — горсть патронов.

Рабов привезли на парусник и заперли в трюм. Там было так тесно, что люди спали стоя. Еду им давали раз в день.

— Лучше смерть! — решили узники.

Они затащили к себе через люк солдата и отняли у него ружьё. Стреляя, вырвались на палубу. Купцы и команда бежали.

Теперь корабль был в руках восставших. Но как поднять якорь? Как управлять парусами? Этого они не знали.

На кораблях, которые стояли неподалёку, уже сыграли тревогу. Лодки с солдатами окружили мятежный парусник.

И тогда рабы подожгли свой корабль. Огонь выбился на палубу. Охватил борта. Подошёл к пороховому погребу... Прогремел взрыв.

Гордые люди не смирились с потерей свободы.

ШКОЛА

На полпути между Багамойо и Дар-эс-Саламом стоит новый двухэтажный дом с верандой. Перед ним растёт дерево баньян, а за домом раскинулся огород.

Этот дом — школа для девочек. После учёбы они сменяют белые блузки и зелёные юбки на пёстрые лёгкие платья, начинают копать и поливать грядки.

В гости к ним приходят мальчики. Дерево баньян такое большое, что под ним можно играть в футбол. Девочки считают забитые голы и кричат:

— Ки-до-га!

— Ки-до-га!

«Кидога» — это значит «мало».

В школе я услышал разговор двух девочек.

— Чтоты получила сегодня по английскому, Джоанна?

— Шестьдесят.

— Всего-то?

Я удивился:

— Это что, у вас такие отметки? Я тоже учился в школе. Так у меня по английскому было «пять»!

Девочки захохотали. Их чёрные щёки дрожали, тугие короткие косички подпрыгивали.

— У нас самая лучшая отметка «сто», — сказала Джоанна. — «Шестьдесят» это так себе. А ваша «пятёрка»...

Девочки снова засмеялись и весело закричали:

— Кидога!

ОГОРОД

На школьном огороде чёрные бобы вьются по колышкам, а жёлтые тыквы лежат, уткнувшись в землю, как поросята.

При мне случилась такая история. Посмотрели девочки в окно—а тыквы шевелятся! Одна даже приподнялась и вприпрыжку помчалась по огороду.

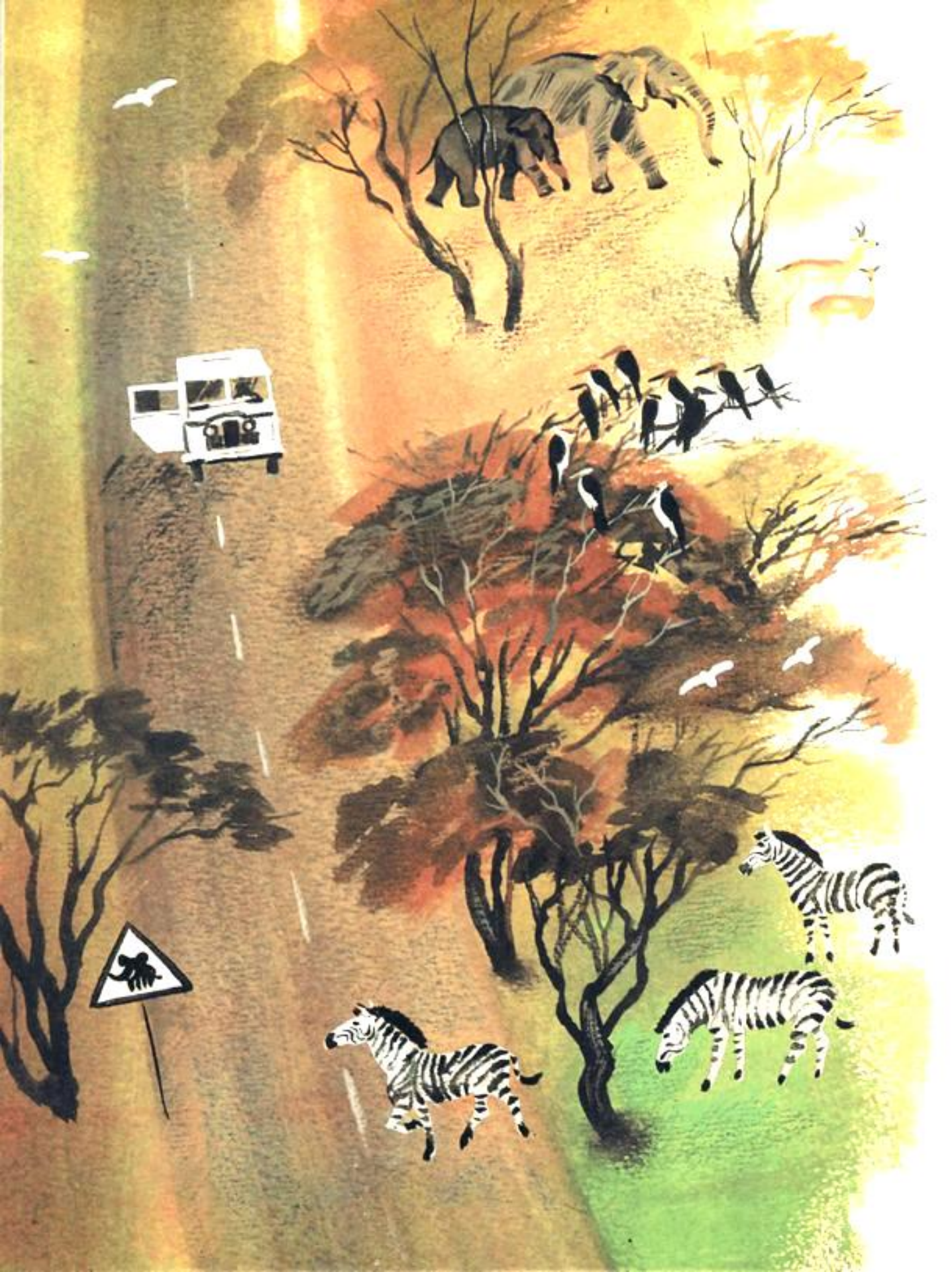
— Обезьяны! Обезьяны!—закричали девочки.

В огороде было полно обезьян. Серо-зелёные бабуины сидели между грядками, набивали себе защёчные мешки сладкими бобами, рвали тыквы и с хрустом надкусывали их. Увидев бегущих девочек, обезьяны нехотя поднялись.

— Зелёные воры, как вам не стыдно? Разве это вы копали землю?!—кричали девочки.—Разве это вы поливали грядки?.. Не ходите больше сюда!

Обезьяны брели прочь. Впереди шли мамы, на них верхом сидели детёныши. Позади ковылял большой, гривастый, как лев, папа-бабуин.

В ЗАПОВЕДНИКЕ

Наш автомобиль катит по дороге. Пассажиры, как по команде, поворачивают головы направо. В густой жёлтой траве — слониха со слонёнком. Мать опускает хобот в траву, берёт сына поперёк живота, ставит головой от дороги и идёт прочь. Слонёнку очень интересно: что делают эти странные белые существа в железном урчащем ящике? Он оборачивается, вытягивает хоботок в нашу сторону и нюхает воздух. Мы поднимаем фотоаппараты и снимаем их.

В заповеднике звери не боятся людей.

Однажды автомобиль с туристами слишком близко подъехал к дереву, под которым отдыхали львы. Львы очень удивились. Самый большой встал, подошёл к автомобилю и понюхал его. Автомобиль как автомобиль! Тогда лев поднял голову и увидел на ветровом стекле игрушку. Это что-то новое! Он вспрыгнул на капот и поскрёб лапой стекло. Люди в машине замерли от ужаса. Льву этого показалось мало — он прыгнул на крышу, та рухнула — раздался людской вопль! Испуганный лев, как бомба, взлетел в воздух и бросился наутёк. Шофёр включил самую большую скорость... Они неслись по степи в разные стороны: испуганные туристы и ещё более испуганный зверь.

ЗАСУХА

К концу лета травы в заповеднике желтеют, дно пересохших озёр покрывается, как паутиной, сетью трещин, хищные птицы—грифы висят в небе, словно чернильные пятна—они высматривают трупы павших животных.

И тогда над степью поднимается коричневое облако. Слышится отдалённый, похожий на рокот моря, гул. На равнине показываются стада антилоп. Плотными рядами идут иссиня-чёрные гну, ручейками бегут коричневые импала, маршируют зебры. Живой поток катится по равнине: засуха гонит обитателей степи к берегам далёкого озера Виктория-Укереве.

ДОЖДЬ

Лето кончается так.

Однажды в белёсом небе появилось облачко. Оно приплыло со стороны океана. Звери, утомлённые жарой и жаждой, с надеждой поднимали головы, чтобы лучше разглядеть его.

За первым облачком появилось второе. Небо покрыла облачная пелена. Слоны, которые до этого прятались в тени, вышли из-под деревьев и, подняв кверху хоботы, стали ждать.

На дорогу упали первые капли. Они звонко щёлкали о сухую землю, поднимая фонтанчики пыли. Хлынул дождь. Белая стена поднялась от земли до неба.

Мы медленно ехали по дороге, а рядом так же медленно, скрытые пеленой дождя, плыли какие-то коричневые пятна. Это шли к водопою слоны.

«РАЗЛИНОВАННЫЙ ОСЛИК»

Перед отъездом я решил снова побывать в школе. На этот раз я пошёл в школу к мальчикам. У них был урок рисования.

— Мне бы очень хотелось, ребята, отвезти в подарок советским школьникам какой-нибудь ваш рисунок,— сказал я.

Курчавые головы, как по команде, склонились над тетрадками. Я посмотрел, что выводят карандаши и фломастеры.

— Стоп, стоп! Футболистов, автомобили и самолёты рисовать не надо—их и у нас хватает. Нарисуйте что-

нибудь такое, чего в нашей стране нет. Ну, кто, например, из вас хорошо знает животных?

— Петер Косма!—выдохнули разом ученики.— Он жил в деревне около самого Килиманджаро. Он видел зверей каждый день.

— Я нарисую вам ослика!—сказал, подумав, Петер.

— Зачем? Ослики есть и у нас!

Но Петер уже быстро водил оранжевым и чёрным фломастерами по бумаге. Закончив, он протянул мне рисунок. Это была зебра.

— Пунда мелиа—«разлинованный ослик», так мы называем её,—сказал он.—Сойдёт?

— Конечно!

Мы улетали из Дар-эс-Салама в тёплый дождливый день. Ветер гнал с океана тучи.

Дождь поливал кокосовые пальмы, кукурузные поля, которыми окружён аэродром.

Самолёт взлетел, прошёл над Багамойо, над плоской равниной заповедника. Никаких зверей я сверху не разглядел.

Зато, когда мы пролетали над Килиманджаро, я прижался носом к стеклу и посмотрел вниз. Около огромной горы, ниже её снежной вершины, ниже поросших густыми лесами склонов, по равнине бродили серые точки. Это паслись стада пунда мелиа.

Прощай, «разлинованный ослик»!

Прощай, Танзания!

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя